

В СТЕНАХ МОНАСТЫРЯ

В НАЧАЛЕ августа на платформе, окружающей пагоду Суле, ту, что в самом центре Рангуна, состоялся митинг в память пятой годовщины со дня смерти великого борца за мир Фредерика Жолио-Кюри. Председательствовал на митинге высокий пожилой монах в красной тоге, перекинутой через плечо.

— Это саядо У Пинньязотта, президент Бирманского совета за разоружение и мир, — сказал мне с уважением стоявший рядом со мной бирманец.

Имя это я слышал и раньше. У Пинньязотта («саядо» — значит, «настоятель монастыря») — известный в Бирме и за ее пределами борец за мир, руководитель бирманской делегации на Стокгольмском конгрессе и в то же время один из патриархов бирманского буддизма, глава одного из влиятельных направлений в буддийской церкви. И потому мне было особенно интересно узнать о его взглядах на современное политическое положение страны, на вопросы войны и мира.

Перед тем как передать слово У Пинньязотте, мне хотелось бы сказать об одной немаловажной детали, незнание которой может создать ложное впечатление о бирманском буддизме. Бирманское монашество очень тесно связано с общественной жизнью страны. Каждый бирманец какой-то период своей жизни проводит в монастыре, многие учились в монастырских школах, которые для бедняков до последнего времени были единственным средством получить образование. Во время борьбы за независимость Бирмы монахи принимали в ней самое горячее участие. В Рангуне стоит памятник монаху У Визару. Он умер в 1929 году после 166-дневной голодовки, объявленной в знак протеста против английского господства. Монахи участвовали в стачках, демонстрациях, восстаниях, в движении сопротивления японским оккупантам.

Большинство монахов — выходцы из крестьян, и состав монастырей текуч. Монахи покидают их, возвращаются «в мир», на место их приходят другие и приносят с собой идеологию внешнего мира, его проблемы. По той же причине монашество далеко не едино. В нем также есть и правые и левые силы, в среде его идет идеологическая борьба не только религиозного, но и совершенно светского характера.

У Пинньязотта и является представителем прогрессивно настроенных кругов бирманского монашества.

— Мне хотелось бы, — говорит он, — сказать сначала несколько слов о внутреннем положении в Бирме, о проблемах внутреннего мира. Новая политика, проводимая революционным правительством Бирмы, политика переговоров с теми организациями, которые еще в конце 40-х годов ушли в подполье, — единственно правильный путь, и ни одно из предыдущих правительств Бирмы не осмеливалось так решительно и конструктивно подойти к решению этой большой проблемы. Мы полностью поддерживаем также меры революционного правительства по осуществлению важных преобразований в бирманской экономике: аграрные реформы, кооперирование и механизацию сельского хозяйства, программу национализации.

У нас, естественно, вызывают большой интерес международные проблемы. На подписанный в Москве Договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия нападают справа и слева. Справа — реакционеры, слева — экстремисты и догматики. И это только подтверждает, что, проявив инициативу в подписании Договора, руководители Советского Союза показали свое последовательное стремление к миру. Мы провели ряд собраний и митингов бирманских сторонников мира в поддержку Договора и уверены, что с нами подав-

ляющее большинство бирманцев. И меня не перестает удивлять брюзжание тех, кому Договор не нравится. Такие люди или не понимают, что Договор направлен на благо человечества, или, что более вероятно, сознательно закрывают глаза на это. Они напоминают мне людей, которые стараются завинтить круглую гайку в квадратное отверстие. А этого еще никому не удавалось.

У Пинньязотта улыбается и поясняет: у бирманцев есть такая поговорка. По-моему, вполне подходит к случаю. Вот вроде и все, что он хотел сказать. Есть еще вопросы?

— Да, расскажите, пожалуйста, о вашем отношении к событиям в Южном Вьетнаме.

— Сейчас по Бирме проходят митинги в защиту буддистов в Южном Вьетнаме. Их проводят студенты, религиозные деятели, профсоюзные организации. И мы знаем, что за религиозной оболочкой этих событий действуют чисто политические силы. В событиях виновны как южновьетнамские власти, так и американцы, на штыках которых они держатся. Если США перестанут вмешиваться в дела Южного Вьетнама, то там народ сам решит все свои проблемы. Наверное, этого-то американцы и боятся. Сейчас в связи с религиозными преследованиями они попали в двусмысленное положение. Мир в Южном Вьетнаме — счастье для всей Азии. Но достичь его можно только, если американцы откажутся от вмешательства во внутренние дела Вьетнама.

На этом и кончилась наша беседа. Мне хотелось задать еще несколько вопросов У Пинньязотте, но надвигался полдень, время последней монашеской трапезы, после которой до следующего дня они не имеют права принимать пищу. Уже появились в зале монахи и начали накрывать общий стол — высотой около 30 сантиметров, окруженный чистыми циновками.

Я поблагодарил У Пинньязотта за беседу и стал прощаться. У дверей настоятель, провожая меня, сказал:

— Мне уже 60 лет. 30 из них я отдал политике, борьбе за счастье моей страны, за мир. И этот год радует меня. Московский Договор был большим подарком мне к 60-летию.

М. ИЛЬИН

(АПН)

Рангун